

Т. И. Краснова

СЕМАНТИКО-РЕЧЕВЫЕ ОППОЗИЦИИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА (на материале эмигрантских газет)

Статья посвящена изучению структуры содержания текстов в русской эмигрантской газете 1918-1922 гг.¹ с точки зрения прагматической теории текста. При таком подходе мы должны иметь дело с анализом функционирования и соотношения знаков – элементов текста в составе прагматической ситуации, с отношением говорящего к сообщаемому в связи с адресатом речи и ситуацией общения.² В данной статье главное внимание уделяется структурно-семантическому аспекту анализа на основе категории оппозиции. Поиск объективных форм лингвистического анализа, способного охватить значительный массив материала, привел нас к методологии структурального изучения текстов на основе семиопозитики. С одной стороны, такая методология соответствует прикладной задаче исследования – изучить «структуру представлений о действительности» в эмигрантской печати, с другой – она противостоит «формальному анализу разрозненных приемов»³, которого хотелось бы избежать.

Обратимся к суждению, ставшему классическим: «Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать основанием для сравнения»⁴.

Основанием для сравнения и анализа разного газетного материала можно считать общий для него проблемно-критический характер. Он вызван противоречивостью действительности и – в сознании автора – ее социально-оценочным, целеполагающим в тексте отражением. Текст можно представить как прагматическую модель действительности, которой соответствует определенная структура в форме единств семантико-речевых оппозиций.

Изучение семантико-речевых оппозиций в структуре газетного текста проводилось в традициях теории текстовых единств – на парадигматическом и синтагматическом уровнях анализа. На парадигматическом уровне, дающем возможность охватить большие массивы текстов, главным объектом наблюдений являлась лексика с учетом ее актуализации в коммуникативном центре высказывания. На синтагматическом уровне объектом наблюдения явились динамически развертывающиеся сверхфразовые единства в составе конкретного текста и целый текст. В настоящей статье сосредоточимся на первом этапе анализа – изучении лексических соотношений как элементов референт-ситуации в тексте. Это дает возможность систематизировать те структуры оппозиционного характера, которые встречаются в газетных текстах в качестве проявления общего принципа семантического противоположения.

Известно, что любая оппозиция связана с категорией отрицания. В формальной логике отрицание понимается как «отсутствие» и «различие»

(концепция особой отрицательной реальности), как «знание об ином бытии» (концепция реальности, отличной от данной), как логический оператор, способ опровержения ложности высказанного суждения (концепция преодоления ложного знания), как субъективно-оценочная реакция, неодобрение мыслимого содержания (психологическая концепция отрицания), как элемент смысла суждения, имеющий объективное основание (содержательная концепция отрицания) и др. Не только в философии, логике, но и в языке, речи категория отрицания входит в разряд фундаментальных, сущностных в своем явлении дуализма⁵. Всякий отрицательный смысл противопоставлен какому-то положительному и возможен только на его фоне. От конкретной коммуникативной ситуации зависит, активизировано ли это значение до степени «противоборства» знаковых основ. В нашем случае это именно так. Само возникновение и животворное существование эмигрантской печати в свете политических ситуаций своего времени воспринималось читателем и до сих пор ощущается исторически как фоновое отрицание, причем отрицание с точки зрения морально-ценностной. Перейдем к анализу.

На парадигматическом уровне анализа методом сплошной выборки из текстов была извлечена актуализированная в коммуникативном отношении лексика. В предикативной функции она входит в состав основы предложения, а в полупредикативной функции распространяет в качестве атрибута или объекта подлежащее и сказуемое. Изучаемый материал показал, что в указанный исторический период в составе эмигрантских текстов наиболее активизированы два вида оппозиций – элементов типичной референт-ситуации: насилие/ненасилие и антинорма/норма. Бóльшую разработку в текстах получает негативное поле семантики, в то время как позитивное присутствует либо в виде ассоциированных мотивов, либо зачастую лишь мыслится (норма). Заметим также, что оппозиция насилие/ненасилие вторична и входит как частная в состав оппозиции антинорма/норма. Она выделяется как первичная по причине усиленной прагматической актуализации в политизированных текстах эмигрантской печати.

Семантико-речевая оппозиция насилие / ненасилие.

Выделяется группа лексики с актуализированной семантикой отрицания, включающая в макрокомпоненты своих значений семы «отсутствия», «лишения», «прекращения существования», «конфликта», «противодействия», «осуждения» и т.п.

В массиве политизированных текстов такая лексика не только распространена, она входит в референциальную идеографическую парадигму с соотношением **конфликт – насилие – гибель**. По форме это большей частью субъектно-объектные наименования с грамматическим значением предметно-качественной определенности и глагольные наименования со значением результативности. Ср. слова, выражающие а) ситуативную семантику конфликта: *нигилист, подстрекатель, предатель, хулиган; подлость,*

ненависть, проклятие, месть, война; свести счеты и т.п.; б) ситуативную семантику насилия: *грабитель, разбойник; беженцы, эмигранты; захват, разгон, разгром, преступление, зверство, террор, переворот, революция, штыкокротия; принудить, пасть жертвой* и т.п.; в) ситуативную семантику гибели: *убийца, палач,; гибель, убийство, казнь, конец; разрушить, замучить, убить; быть на исходе, умереть, стать могилой* и т. п.

Подавляющая часть лексики, связанная с семантикой **насилие**, – прагмемы, т.е. слова, в лексическом значении которых совмещены оба компонента суждения: «предмет» – явление, обозначенное словом, и «предикат» – выраженная тем же словом отрицательная оценка. М. Н. Эпштейн считает, что прагмемы разной оценки составляют около 1/5 словарного состава языка, а в публицистическом тексте прагмемы, представляющие собой свернутые суждения, обладают особой силой воздействия⁶. Не случайно автор помещает их в коммуникативный центр высказывания (см. примеры ниже).

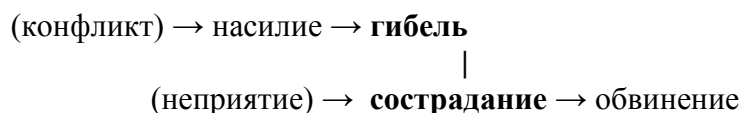
Меньшую часть приведенной лексики составляют прагмемы, включающие в семантику не только мотив насилия и его отрицательную оценку, но и позитивный эмоциональный компонент – сострадание говорящего к жертве насилия. Ср.: *беженцы, эмигранты, гибель, пасть жертвой, замучить, быть на исходе, умереть*. Используя прагмемы двойственной оценки, субъект как бы «расслаивается», а в тексте происходит наведение сем второго порядка.

В речевой структуре на референциальную идеографическую парадигму конфликт – насилие – гибель накладывается модальная идеографическая парадигма концептов **неприятие – сострадание – обвинение**. Модус неприятия сообщаемого, один из самых распространенных в речи вообще, выражается имплицитно (интонация, кавычки) или эксплицитно с помощью перформативов *протестую, не согласен, не хочу чтобы...*, атрибутивами *неверный* (шаг), *несправедливо* и т. п. Модус обвинения выражается прямым или косвенным указанием на виновных. Рассмотрим два текста.

1. После *обыска*, которому он [Г. В. Плеханов – Т. К.] *подвергся* в Царском Селе сейчас же после *большевистского переворота*, он *принужден* был оставить Россию и *искать спасения* в одном из санаториумов вблизи Териоки. Он *умер* там 30 мая, *нав жертвой* деятельности белогвардейцев, германцев и большевиков (Народная газета. Нью-Йорк, 1918, 13 июня).

Референциальная парадигма конфликт–насилие– гибель представлена в тексте а) предметно-оценочными словами с семантикой насилия и б) предикатами двойственной оценки, которые наряду с семантикой насилия включают в текст модус сострадания. Мотивы конфликта и неприятия присутствуют имплицитно, так как речь идет о насилии и сострадании, а семантика гибели открыто, наряду с мотивом сострадания и косвенным выражением обвинения.

Модель ситуации:

Таким образом, в семантико-речевой оппозиции **насилие/ненасилие** в структуре текста происходит частичное наложение разных идеографических парадигм – референциальной и модальной. Это возможно благодаря прагмемам двойственной оценки и в целом по причине ассоциированности лексической семантики в комплексе данной прагматической ситуации.

2. Дэбс *заступается* за эсэров (По просьбе В. Чернова он обратился с *протестом* к Н. Ленину).

Чикаго, 27 июля. Престарелый вождь американских социалистов Юджин Дэбс, находящийся в местном санаториуме, отправил в Москву на имя Н. Ленина каблограмму следующего содержания:

«Ленин, Москва. Вместе со всеми цивилизованными людьми и во имя общего человеколюбия я *протестую против казни* кого-либо из социалистов-революционеров или *несправедливого лишения* их свободы. Советская Россия может явить пример *отказом* следовать методам мирового царизма. Она должна высоко держать знамя, которое мы стремимся водрузить, и которое мы почитаем» (Юджин Дэбс).

Протест Дэбса явился ответом на каблограмму, полученную им из Берлина от группы эсэров, возглавляемых В. Черновым. Каблограмма эта гласила: «Дело 22-х русских эсэров *близится к концу*. Всем *грозит смерть*. Большевики желают *совершить акт мести*. *Просим возвысить голос* американских социалистов *сообща с протестом* европейских социалистов. Телеграфируйте в Москву. Положение *серьезно* и малейшее промедление *повлечет за собою непоправимые последствия*» (Новое русское слово. Нью-Йорк, 1922, 28 июля).

Референциальная идеографическая парадигма представлена в тексте эксплицитно: словами с семантикой конфликта *протест, несправедливый, отказ*; словами с семантикой насилия *несправедливое лишение, акт мести*; словами с семантикой гибели *казнь, конец, смерть, непоправимые последствия*. Модальная идеографическая парадигма, накладываясь на слой первичной семантики, образует композиционно-смысловые скрепы. Модус неприятия передается повторами слова *протест*: от лица Дэбса (перформатив), от лица эсэров и с объективированной точки зрения (в орудийном значении). Модус сострадания также повторяется и связан с субъектным расслоением актов речи: от лица автора в ремарках – *Дэбс заступается за эсэров, престарелый вождь, находящийся в местном санаториуме, по просьбе В. Чернова*; от лица Дэбса – *во имя общего человеколюбия*; от лица эсэров – *просим возвысить голос американских социалистов*. Модус обвинения эксплицитован от лица эсэров – *всем грозит смерть, Большевики желают совершить акт мести*, но имплицитно содержится и в речи Дэбса.

Семантико-речевая оппозиция антинорма / норма

В группе актуализированной лексики с прагматической семантикой отрицания как отклонения от нормы действует вертикальная шкала отношений.

Уровень нормы — представление о должном — является фоном негативной информации.

Выделяется незначительная часть лексики с семантикой рациональной оценки и констатации того факта, что явление находится за порогом нормы: *ненормальный, неуместный, непонятный, странный*. Подавляющая часть лексики состоит из слов эмоциональной оценки с ассоциированной семантикой, включающей неприятие, иронию, осуждение. По форме это нередко атрибутивная или субстантивная лексика, имеющая в тексте полупредикативное значение.

В отношении к уровню нормативных представлений лексика с семантикой антинормы распадается на две группы.

1) Лексика, фиксирующая степень **превышения нормы по количественному признаку**: *тяжелый, бесконечный, нестерпимый, маниакальный, фантастический; загадка, сфинкс* и т.д..

2) Лексика, фиксирующая характер (реже степень) **пренижения нормы по качественному признаку**. Сюда относятся, например, слова, мотивированные социальным понятием «низы»: *деклассированные массы, низшее существо, дно*. Однако основную массу этой группы лексики составляют: а) лексика, ассоциированная по семе 'болезненность' (физическая и психическая): *старый, сухой, страшный; нелепый, бессмысленный, ненормальный* (психич.), *маниакальный; похмелье, анемия* и т.д.; б) лексика, ассоциированная по семе 'аморальность': *цинизм, подлость, бесстыдство; авантюрный, на все способный, преступный* и т.п. Это самая разработанная в газетах группа слов, формирующая идеографическую парадигму конфликт – насилие – гибель в составе текстов антибольшевистского направления.

Чтобы рассмотреть оппозицию **антинорма / норма** в структуре разных текстов, обратимся к фрагментам двух публикаций на темы местной жизни.

1. «Ни для кого не секрет, что наша *старая* школа с ее трех-, а иногда и четырехмесячными каникулами жила *далеко не нормальной* жизнью: «*выматывая*» за зиму *все силы* детского организма *сухой* учебой, *старая* школа «*проматывала*», выражаясь образно, во время *бесконечных* каникул на лето, *почти наполовину все то, что дорогой ценой* было приобретено зимой (Труд. Харбин, 1918, 10 апр.).

Референциальная идеографическая парадигма представлена в тексте в виде соотношения **конфликт – насилие – болезненность (нездоровье)**. Семантика конфликта связана с борьбой старого/нового и скрыто возникает в усиленной актуализации сем, связанных с образом «старой» (т.е. устаревшей) школы. В текст заложена такая ситуация, «сценарий», в котором школа проявляет качества насильника по отношению к детям – жертвам болезненного «вампиризма».

Образная природа речи приводит к синтетизму смыслового выражения. Модус неприятия выражен рационально-оценочным повтором *старая* и эмоционально – в подтексте образного противопоставления. Модус сострадания и модус обвинения также выражены как в подтексте, так и

косвенно: в «страдательном» опредмечивании жертвы и количественными противопоставлениями (квантитативной семантикой отрицания): *«выматывая» за зиму все силы детского организма, «проматывала» во время бесконечных каникул за лето почти наполовину все то, что дорогой (т. е. высокой) ценой было приобретено зимой.*

2. (1) Во время одной из очередных бурных сцен в парламенте, когда депутаты, *изрыгая ругательства, угрожали друг другу кулаками*, председатель палаты г. Земфиреску *грозил закрыть* заседание и сделал знаменательное заключение: *«Это – не парламент».*

(2) Председатель палаты достаточно компетентен в ее оценке и надо признаться, что, пожалуй, *никогда не был так близок к истине, как при произнесении своего горького определения.*

(3) Но оно приобретает *поистине трагическое значение.*

(4) *Девять месяцев работы – и ни один законопроект не принят. Были многословные и длительные разговоры о перенесении каких-то памятников – и не было, кажется, дня, обошедшегося без дразг и руготни.*

(5) И на этом фоне разыгрывается *невиданная транспортная разруха*, продельваются продовольственные кунштюки г. Атанасиу.

(6) *В чем дело? Кто виноват?*

(7) Виновато и большинство палаты, *не проявляющее должной здоровой инициативы*, - виновата тем более оппозиционная федерация, *творящая критику – критики ради*, потому, что ей упорно не удается вкусить славкаго яда власти (Новое слово. Кишинев, 1921, 2 марта).

Литературно-образная манера письма обусловила беллетризованный способ существования референциальной парадигмы в тексте, а значит и синтетизм ее выражения.

Отрицание как отклонение от нормы и неприятие этого отклонения (отрицание отрицания) воплощено в форму сценария **конфликт – угроза насилия – трагедия разрушения**. В 1-м абзаце референциальная парадигма «упакована» в форму иронической стилизации. Совокупная семантика составляющих ее смыслов выражена посредством а) контраста словосочетаний, нормативно недопустимых в речи, когда речь идет о работе парламента; б) логическим отрицанием идентификации *Это – не парламент*. Так семантико-речевая оппозиция антинорма/норма актуализируется и на уровне формы – формально-стилистической оппозицией (худож.-образное / офиц.-деловое), и на уровне идеи — понятийно-логической оппозицией (парламент / не парламент).

Модус сострадания выражен во 2-ой и 3-й абзацных фразах градацией атрибутивных форм оценки: *горькое определение, поистине трагическое значение*. Они усиливают напряжение в передаче конфликтной ситуации. Референциальная семантика антинормы также нарастает. В 4-м абзаце она разворачивается в форме антитезы, построенной на отрицании: оппозиция *были / не было*. В 5-м абзаце разворачивание референциальной парадигмы достигает логического конца: появляется мотив гибели в слове *разруха*.

Модус обвинения эксплицирован в вопросно-ответном единстве. Здесь же

(абз. 7) появляется мотив нормы, но лишь для того, чтобы подчеркнуть семантику антинормы: *не проявляет должной здоровой инициативы, творит критику – ради критики*. В заключительных строках обвинения ироническое неприятие достигает полноты сарказма: *не удастся вкусить славкаго яда власти*.

В итоге можно сказать, что изучение структуры содержания текстов посредством семантико-речевых оппозиций помогает представить совокупность знаний и мнений в разных массивах текстов в виде моделей понимания (интерпретации) действительности. Так, в эмигрантских газетах выявились познавательно-ценностные парадигмы речевой семантики, которые можно представить в виде следующих ментальных соотношений: конфликт - насилие - гибель (болезнь); неприятие - сострадание - обвинение; количественность – качественность; болезненность - аморальность.

Summary

The article analyses the structure of emigrant papers contents (1918-1922) by means of method of semantic oppositions. This helps to conceive the totality of knowledge and opinions in different texts by sort of interpretation models of the reality.

¹ О типах эмигрантских газет по содержательно-идеологическим признакам в 1918 г. см.: К р а с н о в а Т. И. Типы эмигрантских газет в 1918 г. ... // Вестн. С.-Петербург. Ун-та. Сер. 2. 1995. Вып. 2 (№ 9).

² Л и н г в и с т и ч е с к и й энциклопедический словарь. М., 1990.

³ Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 23.

⁴ Т р у б е ц к о й Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 75.

⁵ К о н д а к о в Н. Н. Логический словарь-справочник. М., 1975; Г е т м а н о в а А. Д. Отрицание в системах формальной логики. М., 1972; Б о н д а р е н к о В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983; В а й н р и х Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987; см. также: К р а с н о в а Т. И. Семантика отрицания (на материале публицистики) // Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации. СПб., 1993. С. 37-44.

⁶ Э п ш т е й н М. Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19-33.

Статья поступила в редакцию 26 апреля 1995 г.